

ПЕНАТЫ

Так называли усадьбу Резвых Мариенгоф (близ Кошкино). Но судьба нашего Эрмитажа все ж печальна. Впрочем, о былом великолепии Мариенгофа пусть расскажет знаменитый писатель Валентин Пикуль.

Д. ВЛАСОВ

Русский Дюма о Ямбургском уезде

Валентин Пикуль — самый читаемый в стране отечественный автор конца 70-х и 80-х годов. Его произведениями зачитывались и зачитываются миллионы: «Баязет», «Пером и шпагой», «Нечистая сила», «Фаворит», «Битва железных канцлеров», «Моодзунд», «Честь имею!», «Слово и дело», «Крейсера», «На задворках великой империи» и многих других, которые стали классикой исторического и приключенческого жанра отечественной литературы. По его романам ставятся фильмы, писатель получил высокие литературные награды, был избран действительным членом Петровской академии наук, его имя занесено в Золотую книгу Петербурга, на доме № 16 4-й Красноармейской улицы Петербурга, где он жил, открыта мемориальная доска, а также учреждена международная литературная премия им. В. С. Пикуля. Вот только всех этих почестей писатель был удостоен посмертно. При жизни он получал больше шпильки да зуботычины и от некоторых коллег и от историков, и от власти, причем, в буквальном смысле: за роман «Нечистая сила» о Распутине в 1979 году он был даже избит. При безумной популярности автора центральные типографии отказывались в 70-х, начале 80-х годов печатать его романы по «указу свыше». Но еще раньше, в 1962 году из-за интриг коллег по перу он был вынужден покинуть Ленинград и переехать в Ригу, ставился вопрос и о его исключении из Союза писателей, но заступился Виктор Конецкий. В Риге он и скончался от сердечного приступа в 1990 году. Такова судьба большинства ярких талантов России, ведь Пикуля называли не иначе как «русским Дюма», а издательства делали на его произведениях самые большие тиражи и доходы.

Но Пикуль в 60-х и начале 70-х годов пользовался одной важной привилегией, доступной единицам даже среди советских самых маститых писателей — он имел доступ в закрытые архивы центральных библиотек (который затем власти для него закрыли). Этими ценнейшими архивными кладками он и пользовался при написании своих прославленных книг. Сделав своими главными темами историю с петровских времен, Валентин Саввич не менее пяти раз в своих романах и исторических миниатюрах обращался к фрагментам истории Ямбургского уезда. А поскольку он неоднократно бывал в наших местах, то эти сюжеты отличаются наглядным правдоподобием. Об одном из них — усадьбе Резвых Мариенгофе и его обитателях и пойдет ниже речь по его роману «На задворках великой империи» (книга вторая — «Белая ворона»).

Вдруг выплыло сказочное виденье прошлого...

Зачем России иметь сенат, если уже имеется яхт-клуб? В начале прошлого века такому вопросу в Петербурге мало кто удивлялся, поскольку именно там, в клубе на Большой Морской, собиралась столичная влиятельная аристократия, великие князья, офицеры-кавалергарды с громкими фамильными титулами. Нет, они не ходили на яхтах, большинство из них не представляли себе, как ставить паруса — здесь плелись государственные интриги, к которым чутко прислушивались даже министры.

И вот в конце лета 1905 года в яхт-клубе военврач флотских гвардейских экипажей В. Б. Бертенсон настоятельно пригласил губернатора Уренского края князя С. Я. Мышецкого навестить его этой осенью в Мариенгофе у помещиков Резвых под Ямбургом, чем его сиятельство и воспользовались. Далее слово Пикулю:

«В один из дней, когда осенью похолодало, Сергей Яковлевич выехал в Терпигорье — волшебный край, под боком столицы, о котором так мало знали петербуржцы. Поезд, пытаясь, дотащился до уездного захолустья — Ямбурга... Румяные молодухи на станции зазывали на «чай с лимоном», а фартовые парни в цветных жилетках заламывали картузы лихо:

«Коли жєлаєте, сударь, культурно время провести, так это мы сами горазд бойкие! И обхождение тонкое понимаем. Будете сладкую водочку из рюмочки пить да колбаску вилочкой тыкать» ...

Спустился к пристани. И потекли навстречу высокие песчаные берега Терпигорья; перед ликом мудрой, вечной и доброй природы мелкими казались князю все его дрязги — суета сует, и не больше! Плывя по реке, он решил почаще вспоминать надпись, которая была начертана на кольце у царя Соломона: «И это пройдет...». Но вот выплеснула волна из-под борта катера и затихла. А из-за плеса вдруг мягко заполонило глаза видение прошлого, словно с берега ему показали картину Сомова или Борисова-Мусатова.

Над тихой заводью Луги неслышно и загадочно притаился Мариенгоф: каменный особняк в один этаж, весь в гуцах буйной зелени. И робко отражалось в водах реки это сказочное видение осьмнадцатого века...

Мышецкий выбрался на берег, долго вспомнил имя хозяина — Дмитрий Модестович? Да, кажется, так. А дочь его зовут Серафимой... О семействе Резвых, потомственных артиллеристах русской армии, знал Сергей Яковлевич только одно: питерский купец Балакишин (Балакишин) однажды столь резко сплясал перед Елизаветой Петровной, что императрица сказала: «Ну и горазд плясать! Резвой ты, как я погляжу...»

Так и появились на Руси дворяне Резвые.

Столетние вязы, посаженные еще при шведах, гляделись в широкие старинные окна. Гостя встретил хозяин, генерал-майор Дмитрий Модестович Резвой с костью в руке, — хромал, болела старая рана. Сказал со всей любезностью барина:

— Василий Бернгардович не приехал, связанный службой. Но мы благодарны ему за возможность приятного знакомства с вами, князь. Просим быть не гостем, а нашим дорогим другом... Сима! — позвал Резвой дочь. — Проводи Сергея Яковлевича по комнатам и перестань брэнчать на фоналах — ты разбудишь Алексея Александровича!»

Тут надо сделать небольшое отступление: гостивший в Мариенгофе, как у себя дома, Алексей Александрович, которого так боялись разбудить (но все-таки потом разбудили), был не кто иной как гроза Первой русской революции директор департамента полиции Российской империи Лопухин. Здесь же князь встретил престарелого местного помещика М. Р. Мусселиуса, одного из промышленников Путиловского завода, и особо отметил чудную красоту испанки — Эмилии Петровны (уроженки острова Мальта), в замужестве Колбасевой, которая подолгу гостила в Мариенгофе. Но вернемся к повествованию.

«В такой глуши — и такие чудеса!»

«Мышецкий в сопровождении юной хозяйки прошел по дому, как по музею. Уж если стояла возле камина кочерга, так эта кочерга была истинным произведением искусства! В красной гостиной висели портреты предков — кисти чуть ли не Рокотова, а Левецкий был явный. А печка — бог ты мой! — возле такой печки стыдно греться: ею надобно любоваться лишь издали. Симочка Резвая поманила его розовым пальчиком:

— Князь, загляните сюда! — И открыла дверь в тесную боковушку, где стоял кустарный станок, похожий на печатный. — Здесь, — сказала девушка, — мой дед выпускал первые литографии в России. Мы, Резвые, никогда не лезли в губернаторы, и все свободное время посвящали искусствам...

— Оставь нас, Сима, — велел генерал, беря гостя за локоть. — Я хочу, князь, чтобы вы почували привкус старины, помноженной на природу и искусство. Ступайте за мной. Закройте глаза, доверьтесь мне... Сядьте! А теперь откройте глаза...

Далее была «зверописная» — комната, наполненная зеленоватым сиянием дня, пронизанным через ветви деревьев. Над старинными комодами с ароматом провинции века Петра I висели древние ружья, а вдоль стен — картины. Дичь живая и битая, перепела и фазаны, разбросанные посреди старых ягдташей; оскаленные пасти убитых волков. В матовом блеске хрустала и винных кубков покоились злые нахмуренные омары, да источала своей морской холод раскрытая устрица...

— Ван дер Боргле, подарок Майкова! — перечислял хозяин, постукивая костью. — А это Верникс, подарок Пушкина (неужели Александр Сергеевич тоже жаловал здесь хозяина? Прим. автора статьи). Фалькенбург — чудесен, Габриэль Романо, Ян Фейте...

— Я профан, и знаком мне здесь только один Гроот... — Мышецкий всплеснул руками, восхищенный. — В такой глуши — и такие чудеса! Не боитесь, что мужики спялят это?

Резвой болезненно улыбнулся:

— Очень жаль, если пожар революции коснется таких русских жемчужин, как Останкино, Зубриловка, Стольное, Кусково... Но еще печальнее, ежели будут осквернены такие гнезда, как наш Мариенгоф! Ведь их так много на Руси, и никакие Эрмитажи не идут в сравнение с галереями мелкопоместных сокровищ. В них особая прелесть России... Но я, — заключил генерал, — не боюсь революции, ибо я никогда не был крепостником. Нужна мужику земля — пусть берет. Это же я ему не отдам! Никогда!..»

А напрасно Дмитрий Модестович не боялся — и спалили, и разнесли мариеугофский Эрмитаж по таким тайным местам, что до сих пор не могут сыскать одного из лучших собраний картин и прочих коллекций Резвых (вероятно, многое, что уцелело, давно продано за границу). После второй, Октябрьской революции, все как в воду кануло, вместе с усадьбой, этим чудным уголком России под названием Мариенгоф.

Хризантемы куст...

Однако каким образом все это художественное достояние появилось в Мариенгофе?

Эту усадьбу, расположенную на слиянии Солки и Луги, именуемую вкупе с Салой, Надеждино, Кошкино, Свейском и даже Захоньем, располагавшихся к западу от Ямбурга по обоим сторонам Луги именовались Терпигорьем. Земли эти от Столбовского договора до Петра I принадлежали шведским баронам, где селились даже шведы, о чем говорит название села Свейск (свей — шведы). После Северной войны многое поменялось, но только не в Терпигорье: владельцами местных усадеб также оставались шведские бароны, только теперь уже те, которые перешли на службу русской короне.

Хозяевами Мариенгофа с середины XVIII века стали бароны Блекен, какое-то непродолжительное время им обладали бароны Корф, затем усадьбу купил шведский консул в Нарве Ефим Дельфин. Здесь была построена типичная одноэтажная усадьба в голландском стиле, но в 1810 году имение приобрел русский генерал-артиллерист Д. П. Резвый, герой Отечественной войны и заграничных «наполеоновских» походов, портрет которого красуется в галерее Дж. Доу в Зимнем дворце. В чине генерал-лейтенанта в 1816 году он вышел в отставку (не угодил всевысшему Аракчееву) и окончательно осел в Мариенгофе. Дмитрий Петрович, человек деятельный, занялся переустройством Мариенгофа: дом был перестроен в стиле классицизма, рустированными стенами и белыми пилястрами по углам с большой полуротондой с фасада, высажен английский парк из дубов, ясеней и вязов. Мариенгоф превратился в райский уголок, которым у Пикуля так восхитился князь Мышецкий. В этом заповедном месте бывали известные в русской культуре люди, включая знаменитого живописца Шишкина. Продолжили дело отца и дети, и внуки прославленного генерала, особенно его сын Модест Дмитриевич, а также внук Дмитрий Модестович, последний владелец Мариенгофа.

Но, главное, как уже, наверное, обратил внимание читатель, было не во внешнем благоустройстве, а в содержании. Всех, кто бывал здесь, поражали уникальнейшие коллекции, которые собирали многие годы Резвые, включая их знаменитую картинную галерею, таинственно пропавшую в первые годы революции, как, впрочем, и все остальное. Даже от усадьбы остались лишь воспоминания, да, образно говоря, расцветет хризантемы куст из популярного романа. Впрочем, нет-нет, да и всплывет где-нибудь на аукционах Сотби или Кристи знаменитая коллекция Резвых...

Явление России «Явление Христа народу»

Кстати, Модест Дмитриевич был реставратором Нарвского замка и по распоряжению императора Николая I, который был на Нарове в 1854 году и обратил внимание, что здесь много деревянных построек, и для пожаробезопасности следует заняться каменными градостроительством в Нарве. И это высочайше было поручено Модесту Резвому, который занимался обустройством города до своей кончины в 1853 году.

М. Д. Резвой был известен как меценат и стал организатором общества поощрения художников. Вокруг Модеста Дмитриевича собиралась местная и столичная богема, в частности, он поддерживал братьев Брюлловых. Благодаря ему в России остался живописный шедевр Александра Иванова «Явление Христа народу», который собирались увезти в Италию. Кроме того, хозяин ямбургского Мариенгофа вместе с Пушкиным участвовал в составлении энциклопедического лексикона.